

На юбилейномъ торжествѣ.

Есть въ жизни нѣкоторыхъ труженниковъ на нивѣ Христовой особые, выдающіеся моменты, которые, какъ грани, дѣлятъ длинную полосу ихъ трудовой жизни какъ-бы на нѣкоторые отдѣлы и носятъ названіе юбилеевъ. На одномъ изъ такихъ юбилейныхъ торжествъ пришлось намъ быть 22 января сего года, о которомъ и хотѣлось-бы повѣдать свѣту не ради какого-либо назиданія, но какъ объ одной изъ отраднхъ и свѣтлыхъ страницъ, какихъ такъ мало въ трудовой жизни безвѣстнаго сельскаго духовенства.

22 января с. г. священникъ с. Ст. Зиновьевки, Карс. уѣз., о. *Василій Николасвичъ Троицкій* праздновалъ 35-лѣтіе своего служенія Богу, Церкви и Родинѣ. Объ этомъ мало кто зналъ; скромность юбиляра, бывшая отличительной чертой его жизни и служенія, сказалась и тутъ: онъ не хотѣлъ, видимо, громкаго чествованія, не хотѣлъ пустой человѣческой славы, а пожелалъ только въ тѣсномъ кругу своей семьи, друзей и прихожанъ отмѣтить этотъ выдающійся день своей жизни. Во главѣ съ мѣст-

нымъ о. Благодичнымъ В. Д. Вознесенскимъ наканунѣ торжества прибыли ближайшіе къ Зиновьевкѣ священники: Л. Н. Маловъ Е. И. Нечаевъ, Г. Н. Малиновскій, Н. И. Осинскій и діаконъ: В. Ивановскій, А. И. Троицкій, А. А. Троицкій и І. И. Суровъ. Изъ Сенгилеевскаго уѣзда прибыли свящ. С. Петровскій и І. Д. Григоровъ, не задолго до описываемаго времени познакомившіеся съ юбиларомъ на почвѣ идейной борьбы съ народнымъ алкоголизмомъ, которой такъ заинтересованъ и глубоко преданъ о. Василій.

Ровно въ 6 час. вечера большой колоколъ своимъ ровнымъ звенящимъ голосомъ приглашалъ ко всенощной и собравшихся гостей—іереевъ и прихожанъ с. Зиновьевки. Торжественно шла всенощная, стройно и чинно пѣлъ хоръ подъ управленіемъ мѣстнаго псаломщика К. Дивногорскаго и что то необычайно величественное и трогательное чувствовалось во всей атмосферѣ великолѣпнаго Зиновьевскаго храма. На литію и величаніе во главѣ съ юбиларомъ вышло все присутствовавшее въ храмѣ духовенство, и можно было замѣтить, какое волненіе переживалъ самъ виновникъ торжества, когда увидѣлъ себя окруженнымъ сонмомъ іереевъ, почтительно раступившихся предъ нимъ, какъ предъ первенствующимъ служителемъ и совершителемъ торжественной службы. Торжественно закончилась всенощная, но еще торжественнѣе была отправлена литургія, послѣ которой состоялось скромное по размѣрамъ, но въ высшей степени симпатичное и задушевное по чувству самое юбилейное торжество и чествованіе юбилара. вмѣсто запричастнаго о. Благодичнымъ Вознесенскимъ было предложено слушателямъ поученіе на тему о пастырскомъ крестонощеніи, въ которомъ проповѣдникъ красиво развивалъ мысль о трудности и отвѣтственности пастырскаго служенія вообще и о тяжести пастырскаго креста о. Василя въ частности. Кончилась литургія, юбиларъ вошелъ на амвонъ и одинъ изъ старѣйшихъ іереевъ о. Л. Н. Маловъ привѣтствовалъ юбилара отъ лица присутствующаго духовенства пространной рѣчью, въ которой, дѣлая краткій обзоръ его трицати-пяти лѣтней службы въ священномъ санѣ, онъ сумѣлъ воздать „достойному достойное“. За нимъ священникъ С. Петровскій обратился къ юбилару съ слѣдующей рѣчью: „Въ великомъ смущеніи выступаю и я, дорогой о. Василій, чтобы привѣтствовать Васъ съ торжественнымъ днемъ тридцати-пяти лѣтняго служенія Вашего Богу, Церкви и Родинѣ. Длинень и тяжелъ былъ этотъ

путь и не розами, а колючимъ терніемъ усѣянъ онъ былъ отъ начала его и до конца. Мы знаемъ, что даже молодые священники, вышедшіе на подвигъ пастырства въ расцвѣтѣ своихъ молодыхъ силъ, полные эчегіи и горящіе огнемъ святаго вдохновенія, и тѣ часто сознаются, какъ бываетъ тяжело, иногда даже непосильно тяжело, этотъ пастырскій крестъ. А Вы?.. Вы о. Василій, 35 лѣтъ скромно и безропотно несли этотъ крестъ и теперь стоите предъ нами во всемъ величїи, во всемъ обаяніи совершеннаго Вами жизненнаго подвига, а мы, Ваши собратія, собрались сюда не только для того, чтобы привѣтствовать Васъ, какъ виновника сего торжества, но и преклониться въ благоговѣніи предъ красотой Вашего пастырскаго подвига. Не будетъ крупной ошибкой сказать, что юбилеи, подобные Вашему—рѣдкое явленіе въ нашей жизни, и люди подобнаго Вамъ возраста обыкновенно говорятъ, что они уже устали, что въ ихъ душѣ уже „догорѣли огни“... Но въ Вашей душѣ, дорогой о. Василій, не погасли еще огни свѣтлыхъ пастырскихъ идеаловъ и бодрья силы еще не оставили Васъ: еще такъ недавно Вы, въ свои, ужъ потрудившіяся, руки взяли святое знамя трезвости и пошли съ нимъ на бой съ темной силой народнаго пьянства. И ваше появленіе въ этой области было такъ своевременно и такъ желательно, а то, на самомъ дѣлѣ „зло вокругъ черезчуръ уже гнететъ, ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна: стонетъ отъ пьянства наша убогая деревня, безумствуютъ въ пьяномъ ураганѣ большіе и малые города, растетъ преступность, множится хулиганство, шатается нравственность и страшный призракъ полнаго вымирания и вырожденія уже простеръ надъ нашей Родиной свои черныя крылья... Вотъ въ какое нужное время выступили Вы на борьбу съ этимъ зломъ! И мы, скромные работники на нивѣ народнаго отрезвленія, привѣтствуемъ Васъ не только какъ юбиляра, но и какъ начинающаго борца съ народнымъ алкоголизмомъ и къ общему хору уже высказанныхъ пожеланій присовокупляемъ свое: да хранить и продлить Господь на многая лѣта Вашу жизнь во славу Церкви Святой, на благо и отрезвленіе нашей Родины, на радость Вашихъ пасомыхъ и на спасеніе ихъ душъ!“

Послѣ этой рѣчи уполномоченные отъ прихожанъ вышли впередъ съ иконой Спасителя, назначенной для поднесенія юбиляру, а о. діаконъ Ивановскій обратился къ юбиляру съ слѣдующими словами: „Ваше Высокоблагословеніе, о. Настоятель! Въ сегодняшній знаменательный день Вашей жизни, празднованія

35-лѣтняго служенія въ священномъ санѣ, намъ, членамъ причта и Вашимъ почитателямъ, особенно пріятно засвидѣтельствовать нашу любовь къ Вамъ и уваженіе. Что-же? Какія добрыя дѣла, какія добродѣтели Ваши нравственно обязали насъ къ тому? Крѣпкая вѣра въ Бога и любовь къ святому храму нашему, вотъ конечно, главныя добродѣтели, украшавшія и продолжающія украшать Ваше пастырское служеніе. Мнѣ—какъ Вашему сослужителю ближе всѣхъ извѣстны тѣ святыя минуты, когда Вы „отложивъ всякое житейское попеченіе“, устремляете духъ Вашъ „горѣ“, призывая Духа Святаго на предлежащія Святыя дары; или когда преподаете себѣ Святое Тѣло. Слезы умиленія, слезы благодарности Богу орошаютъ лице Ваше. Ни одинъ церковный праздникъ не проходитъ безъ того, чтобы Вы не услаждали сердца нашего словомъ поученія; эта священная обязанность сдѣлалась необходимой потребностью Вашей души. Впрочемъ, Ваша религіозность имѣетъ проявленіе и во многихъ другихъ отношеніяхъ. При поступленіи Вашемъ въ село Старую Зиновьевку, храмъ нашъ былъ если не въ убогомъ видѣ, то нуждался въ очень многомъ. Вы энергично взялись за его благоустройство, за приведеніе его въ благолѣпный видъ. Внутри храмъ, стараніями Вашими и благодаря крупной жертвѣ одного прихожанина, выштукатуренъ и сдѣланъ теплымъ; наружность храма нынѣшнимъ лѣтомъ выкрашена; чудный кіотъ и Ликъ Спасителя на горнемъ мѣстѣ и другія иконы въ главномъ алтарѣ сооружены на средства церкви и добрыхъ прихожанъ, благодаря Вашимъ стараніямъ. Церковная же ограда, до нынѣшняго лѣта бывшая не крашеной, покрашена; а въ храмѣ: прекрасная рама на икону св. Іоасафа; икона Распятія съ предстоящими; полное священническое облаченіе, напрестольное малое Евангеліе и много другихъ вещей пріобрѣтены на средства неизвѣстныхъ, на нихъ ни церковь и никто не жертвовалъ. Жертвователь неизвѣстный! вѣроятно, тобою руководили слова Спасителя „егда убо твориши милостыню, не воструби предъ собою. Тебѣ-же творящу милостыню да не увѣсть шуйца твоя, что творить десница твоя, яко да будетъ милостыня твоя втайнѣ“. (Матѣ. 6, 2, 3—4). Сказавъ это, Христось добавилъ „Отець твой, видяй втайнѣ, Той воздастъ тебѣ явѣ“ (Матѣ. 6, 4) Буди! Буди! Словомъ, при Васъ, при Вашей энергіи, храмъ нашъ обновился и благоукрасился. Еще талантъ данный Вамъ отъ Бога и Вами воздѣланный—это благочестивая забота о святой трезвости. Издавна возлюбили Вы

трезвость, со скорбію въ сердцѣ смотрѣли на ближнихъ Вашихъ, предающихся этому пороку, и, положивъ на сердцѣ благочестивое желаніе изъять пасомыхъ Вашихъ и всѣхъ желающихъ изъ устъ этого змія, 11 ноября открыли Старо-Зиновьевское общество трезвости. Хотя не много еще членовъ насчитываетъ оно: но, за молитвы Архистратига Михаила, это общество трезвости возрастетъ и окрѣпнетъ. Предающагося пороку пьянства трудно считать христіаниномъ, онъ—мертвый членъ Церкви. Нельзя обойти молчаніемъ и доброе отношеніе Ваше къ причту и прихожанамъ. За недостаткомъ времени не буду распространяться о семъ, скажу кратко: „Христось среди насъ“ Это и многое другое и заставило насъ почтить Вашу юбилейный день, и, какъ вещественное доказательство нашей любви къ Вамъ и уваженія, и въ благодарность за Ваши труды, покорнѣйше просимъ Васъ, дорогой Батюшка, принять отъ насъ сію святую Икону, съ благословія Его Преосвященства, сооруженную на средства членовъ причта и Вашихъ почитателей. Вся внѣшняя обстановка сего торжественнаго Богослуженія и дня со временемъ забудется, но этотъ священный даръ будетъ постоянно напоминать Вамъ о настоящемъ днѣ, подобномъ тому дню, когда чрезъ возложеніе на Вашу главу руки Святителя Оеоктиста, Вы воспріяли благодать священства“.

Въ заключеніе этихъ церковныхъ рѣчей и привѣтствій выступилъ съ своимъ словомъ руководитель Чертановскаго О-ва трезвости о. Григоровъ, въ которомъ онъ подчеркнул мысль, что главное служеніе пастыря, высшая его священная обязанность это служить падшему человѣчеству, звать своихъ прихожанъ и словомъ и трезвымъ примѣромъ своимъ къ трезвой, богобоязненной жизни, къ чему и стремился въ своей жизни и дѣятельности досточтимый о. юбиляръ.

Кратко, но искренно благодаря каждому изъ привѣтствовавшихъ, въ глубокомъ волненіи, стоялъ юбиляръ на церковномъ амвонѣ и, когда смолкли всѣ высказанныя привѣтствія и пожеланія, обратился и онъ ко всѣмъ присутствующимъ съ слѣдующими словами: „Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, живѣйшей радости, искренней благодарности приѣмлю я Вашъ даръ—сію святую Икону. Пусть она будетъ мнѣ спутницей, хранительницей и руководительницей во всѣхъ путяхъ моей пастырской жизни, какъ нѣкогда огненный столпъ при Моисеѣ въ пустыни, что-бы я не падалъ, не спотыкался о тѣ камни и

шпы, какими усланъ бываетъ путь каждаго священника вообще и мой тернистый въ особенности. Пусть она будетъ всегдашнимъ напоминаніемъ о той искренней любви и единеніи пастыря съ членами причта и пасомыми, какія укрѣпились между нами отъ начала доселѣ. Я не смѣю усумниться въ искренности оказываемой Вами мнѣ чести, но и не смѣю думать, что это есть заслуга съ моей стороны и, слѣдов. должная дань, или награда. Принимаю эту Икону какъ милость отъ Бога черезъ Васъ мнѣ ниспосланную, но мною незаслуженную; а Васъ, какъ выразителей этой чести, сердечно благодарю“.

Поднесенная юбиляру св. Икона была положена на аналогій и передъ ней началось благодарственное Господу Богу молебствіе, закончившееся многолѣтіемъ Царствующему Дому, Св. Синоду и настоятелю храма, священноіерею Василию, прослужившему Церкви Божіей тридесять и пять лѣтъ“.

Кончилось церковное торжество. За нимъ началось домашнее чествованіе юбиляра. Въ предшествіи о. Малова, въ эпитрахили и съ крестомъ, юбиляръ поднялъ на свои руки св. Икону и понесъ ее въ свой домъ, куда собралось и все духовенство и сельская интеллигенція. И снова полились въ простой домашней обстановкѣ хорошія слова и привѣтствія, снова забились сердца рѣдко испытываемымъ чувствомъ, снова получилась картина, забыть и замолчать которую было-бы непростительно и грѣшно.

О Растроганный до глубины души, съ слезами на глазахъ и съ волненіемъ въ голосѣ, о. Василий захотѣлъ здѣсь предъ собравшимися излить все, что переполняло ее, такъ сказать—до краевъ, и просилось наружу. „Глубокочтимые о.о. сопастыри, честные о.о. діаконы и дорогіе о. Христѣ братіе и сестры! Позвольте мнѣ, недостойному служителю алтаря Господня, сказать нѣсколько словъ по поводу настоящаго собранія. Видя Васъ предъ собою, собравшихся во св. храмъ по случаю знаменательнаго дня тридцатипятилѣтія служенія моего въ священномъ санѣ, я глубоко былъ тронутъ, и теперь приношу Вамъ мою глубокую благодарность за Ваши св. молитвы обо мнѣ, многогрѣшномъ, чѣмъ вы оказали сугубую честь моему достоинству. Въ молитвѣ же за себя, признаюсь, я нуждаюсь, п. ч. кромѣ недостатковъ душевныхъ и немощей тѣлесныхъ, я ничего не имѣю. Хотя Вы и оч. щедро восхваляете мои качества и достоинства, но я, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ Вами, о.о. и братія, открыто признаюсь, что во мнѣ нѣтъ ничего, достойнаго похвалы. Я только

хотѣлъ выполнить по доброй совѣсти мой долгъ пастырскій по отношенію къ Церкви и паствѣ, я только хотѣлъ поближе подойти къ тому пастырскому идеалу, какой начертанъ мнѣ на персяхъ: „Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, духомъ, вѣрою чистотою“..., но, по немощамъ моимъ, по небреженію и увлеченіемъ за земной суетой, я и половины не выполнилъ изъ того, что долженъ былъ выполнить, и теперь остаюсь лишь при одномъ желаніи дѣлать доброе. Между тѣмъ времени прошло немало—цѣлыхъ 35 лѣтъ, какъ я получилъ даръ священства, этотъ драгоцѣнный талантъ, врученный мнѣ Пастыреначальникомъ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Куда я его дѣвалъ? Въ землю-ли зарылъ, или въ ростъ пустилъ? Судить объ этомъ лично самъ не берусь. Но когда я оглянулся назадъ, то увидѣлъ, что эти 35 лѣтъ, какъ величавые 35 исполиновъ, мгновенно явились предо мной во весь свой исполинскій ростъ и, наклоняясь къ уху, тихо, но ясно одинъ за другимъ шепчуть мнѣ: „какъ святъ бы долженъ ты быть самъ по себѣ и святы твои помыслы! Какъ непорочны-бы должны быть твои руки, которыми ты такъ часто касался святыхъ! Какъ чисты должны бы быть твои уста, которыми такъ часто вкушалъ ты Пречистаго Тѣла и Пречистой Крови Христовой! Какъ долженъ-бы ты быть воздержанъ, цѣломудренъ, учителенъ! Сколько бы въ тебѣ должно было быть любви, кротости, смиренія и терпѣнія! Наконецъ, одинъ изъ послѣднихъ, но болѣе другихъ до суровости строгій исполинъ также подходитъ ко мнѣ и уже грозно напоминаетъ мнѣ, какъ я молчалъ на святомъ мѣстѣ, когда нужно было-бы говорить, обличить, вразумить! Какъ я снисходилъ въ то время, когда пастырски нужно было быть строгимъ, и наоборотъ—былъ суровъ, когда нужно было проявить пастырскую любовь и снисхожденіе! Вотъ показатели моего тридцатипятилѣтняго пастырскаго служенія! Правда, я не буду лицемѣрно скрывать мою любовь къ благоустроенію и благоуукрашенію храмовъ Божіихъ, въ коихъ судилъ мнѣ Господь священнодѣйствовать, но что-же тутъ особо выдающагося? Вѣдь и это—мой долгъ, моя прямая обязанность и при томъ только одна капля изъ того, что я долженъ бы сдѣлать. Посему, о.о. и бр., великая честь, оказанная мнѣ сегодня Вами, далеко превышаетъ мои скромныя заслуги, и я сугубо всѣмъ Вамъ благодаренъ, земно Вамъ кланяюсь и прошу еще и еще Вашихъ св. молитвъ, дабы Пастыреначальникъ мой Господь Иисусъ Христосъ на закатѣ дней моихъ сподобилъ меня свято, мирно и безпорочно выполнить мой пастырской долгъ“.

И много, много хорошаго сказано было еще о Василию: говорилъ священникъ с. Измайловки о. Малиновскій, говорила старшая дочь юбиляра, говорила учительница школы Листова, но нельзя забыть и не упомянуть о самомъ послѣднемъ, но положительно до слезъ тронувшемъ всѣхъ привѣтствіи двоихъ дѣтей школы. Вышли два мальчика, изъ которыхъ одинъ держалъ на блюдѣ просфору, а другой обратился къ своему Батюшкѣ съ слѣдующими словами: „Ваше Высокоблагословеніе, о. законоучитель! Позвольте намъ, учащимся здѣшной школы, привѣтствовать Васъ со днемъ Вашего юбилея, и въ знакъ нашей дѣтской любви къ Вамъ покорнѣйше просимъ принять отъ насъ сію просфору, изъ которой на литургіи вынуты части о здравіи священно—іерея Василя“. И это вышло такъ трогательно, такъ мило, что, навѣрное, никогда не изладится изъ памяти присутствовавшихъ и останется въ ихъ воспоминаніи, какъ одинъ изъ чудныхъ аккордовъ этой великолѣпной по смыслу и красотѣ юбилейной мелодіи. Трапеза, которую предложилъ юбиляръ гостямъ, была воистину трапеза пастыря-трезвенника: не было ни бутылокъ, ни крѣпкихъ напитковъ, но зато обиліе яствъ заставляло удивляться хлѣбосольству, радушію и гостепріимству хозяина.

И думается намъ, что не безслѣдно промелькнулъ въ душѣ всѣхъ присутствовавшихъ этотъ знаменательный день: въ душу юбиляра онъ влилъ новыя силы на дальнѣйшіе его труды, скрасилъ тяжелый, скорбный путь его одинокой жизни свѣтлымъ праздничнымъ настроеніемъ, а для присутствовавшихъ іереевъ этотъ день былъ настоящимъ идейнымъ праздникомъ, объединившимъ ихъ на Трапезѣ Господней вокругъ пастыря—труженника, скромно потрудившагося на нивѣ Христовой цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ.

Священникъ *Сергій Петровскій*.

С М Ъ С Ъ .

Думы пастыря.

Бушуетъ житейское море:

Печали и горе несетъ на волнахъ,

А радость и счастье людское

Скрываетъ въ своихъ глубинахъ.